

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

**У ВРАТ ОГНЯ -
исторический
роман**

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ У ВРАТ ОГНЯ - исторический роман

<https://litres.ru/74469003>

SelfPub; 2026

Аннотация

«У ВРАТ ОГНЯ» — исторический роман о царе Леониде и трёхстах спартанцах, но по своей внутренней сути это произведение не столько о войне, сколько о человеческом выборе перед лицом неизбежной смерти.

Автор обращается к одному из самых известных событий античной истории — обороне Фермопил в 480 году до н. э. Однако его интересует не только сама битва. В центре повествования находится путь человека к тому моменту, когда историческое событие становится личной судьбой. Леонид показан не готовым героем, сошедшим с пьедестала, а человеком, которого постепенно формируют детство, спартанская агогэ, испытания, власть, ответственность перед государством и понимание цены собственного решения.

Особенно важна композиция романа. Путь к Фермопилам начинается задолго до самой битвы. Через детство Леонида, суровое воспитание, отношения внутри царского дома, его братьев, Горго, политические испытания и столкновение

с угрозой Персидской державы автор постепенно сужает пространство повествования.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

У ВРАТ ОГНЯ -

исторический роман

У ВРАТ ОГНЯ - *Исторический роман*

Пролог

Голос Тайгета

Гора Тайгет стояла над Лаконией задолго до того, как первые люди сложили из камня стены своих жилищ, задолго до того, как были названы реки и обозначены границы земель. Она видела всё.

Видела, как по долине текли весенние воды. Видела стада диких коз на склонах. Видела молнии, разрывавшие чёрное небо над ещё безымянным миром.

Гора была старше памяти. Она не знала жалости. И потому лучше других понимала людей.

Люди рождались, страдали, любили, воевали, умирали. Каждому казалось, что его жизнь необычайно важна. Каждому казалось, что его горе или радость останутся навечно.

Но проходили годы. Затем десятилетия. Потом столетия. И ветер стирал следы их ног. Только немногие оставались в памяти мира. Очень немногие.

В то утро над Лаконией стояла необычная тишина. Даже птицы будто летели медленнее. Небо было прозрачным и хо-

лодным.

Солнце только начинало подниматься над восточными холмами, окрашивая долину в золотистый цвет.

Внизу, среди оливковых рощ и полей, лежала Спарта.

Она не была похожа на другие греческие города.

У неё не было великолепных храмов, способных соперничать с храмами богатых соседей.

Не было роскошных дворцов. Не было шумных рынков. Путник, впервые увидевший её, мог даже разочароваться. Слишком проста. Слишком сурова.

Слишком бедна. Но именно здесь рождались люди, способные изменить ход истории.

Спарта не любила красноречия. Она не доверяла роскоши. Она презирала слабость.

Она воспитывала мужчин так же, как кузнец закаляет железо в огне. Медленно. Жестоко. Неотвратно.

В то утро по улицам ещё бродили длинные тени. Женщины разводили огонь в очагах. Рабы несли воду.

Старики сидели возле домов, наблюдая за пробуждением города.

Никто из них не знал, что совсем скоро в царском доме раздастся первый крик ребёнка. Обычного ребёнка. Так им казалось.

Ведь судьба никогда не предупреждает о своём приходе. Она входит тихо.

Почти незаметно. Сначала появляется младенец. Потом

мальчик. Потом юноша.

Потом мужчина. А однажды мир вдруг обнаруживает, что перед ним стоит легенда.

Но легенды не рождаются за один день. Они рождаются из тысяч маленьких испытаний. Из боли, из потерь, из выбора, из верности.

Из способности идти вперёд тогда, когда остальные уже остановились.

Ветер медленно спустился с вершин Тайгета. Он прошёл над городом. Коснулся крыш домов. Шевельнул листья оливковых деревьев. И словно замер возле царского жилища. Будто сама древняя гора прислушивалась. Будто ожидала.

Будто знала то, чего ещё не знали люди.

Что сегодня начинается история человека, которому однажды будет суждено встретить свою судьбу у далёких Горячих Врат. У Врат Огня.

Глава 1. Рождение под знаком войны

Ночь ещё не покинула Лаконию, когда над долиной поднялся холодный ветер с гор Тайгета. Он принёс запах камня, полыни и далёких снегов, лежавших высоко среди скал. Спарта спала. Лишь кое-где мерцали огни очагов да перекликались сторожевые собаки. В царском доме тоже не спали.

Женщины бесшумно ходили по внутренним помещениям, подогревая воду и готовя чистые ткани. Опытная пови-

туха то и дело прислушивалась к дыханию молодой женщины, лежавшей на деревянном ложе. Рядом горел масляный светильник, бросавший на стены дрожащие тени.

Царица стонала редко. Она была дочерью Спарты и привыкла переносить боль молча. Но роды продолжались уже много часов, и даже её выдержка начинала уступать натиску природы.

За дверью находился её муж. Царь Анаксандрид.

Он стоял неподвижно, скрестив руки на груди. Несколько раз слуги предлагали ему присесть, однако он даже не ответил. Его лицо оставалось спокойным, но мысли были далеко отсюда.

Он думал не о ребёнке. Вернее, не только о ребёнке. Он думал о Спарте.

В последние годы над Элладой сгущались тревожные тучи. Города-государства бесконечно спорили между собой. Союзы возникали и распадались. Старые враги искали возможности для мести. Всё чаще приходили вести о могущественной державе на далёком востоке, Персии.

Пока ещё её сила казалась чем-то далёким и почти сказочным. Но опытные люди уже понимали: однажды восточный ветер донесёт до берегов Греции не запах чужих земель, а грохот огромной армии.

Анаксандрид прожил достаточно долгую жизнь, чтобы не доверять спокойствию.

Истинная опасность всегда приходит тогда, когда её пере-

стают ждать.

Вдруг за дверью раздался новый крик. Затем ещё один. Потом наступила тишина.

Царь медленно поднял голову. Прошла минута, другая. Наконец дверь открылась.

Повитуха вышла наружу. На её усталом лице появилась едва заметная улыбка.

— Сын, мой царь. Несколько мгновений Анаксандрид молчал.

Он не был человеком бурных чувств. Но даже его суровое лицо немного смягчилось.

Сын, ещё один сын для царского рода Агиадов. Ещё один будущий защитник Спарты. Он вошёл внутрь.

Младенец лежал рядом с матерью, завернутый в светлую ткань. Его лицо было красным от недавнего плача. Маленькие кулаки то сжимались, то разжимались.

Ничего особенного. Обычный новорождённый. Таких в тот год родились сотни.

И всё же Анаксандрид долго смотрел на ребёнка. Словно пытался увидеть в нём что-то скрытое от остальных. Но будущее не раскрывает своих тайн. Особенно тем, кто хочет узнать их слишком рано.

— Как назовём его? — тихо спросила мать. Царь ответил не сразу.

— Леонид. Женщина повторила имя почти шёпотом.

— Леонид...

Имя происходило от древнего слова, означавшего льва.

В Спарте любили сильные имена. Они не гарантировали славы. Но напоминали человеку о том, каким он должен стать. Младенец неожиданно открыл глаза.

На короткое мгновение его взгляд встретился со взглядом отца. Затем ребёнок снова зажмурился и уснул. Царь невольно улыбнулся. Очень редко и почти незаметно.

Может быть, впервые за много дней. За стенами дома постепенно начинался рассвет.

Первые солнечные лучи касались крыш города. Просыпались ремесленники.

Выходили на улицы торговцы. Спешили по своим делам рабы. Спарта начинала новый день.

Никто из этих людей не знал, что в царском доме родился мальчик, которому суждено пережить века.

Да и сам мир ещё ничего не знал. Он продолжал жить своей обычной жизнью.

Как всегда бывает перед появлением великих событий. Потому что судьба никогда не трубит в трубы заранее. Она приходит тихо. Сначала в виде младенца.

Потом в виде мальчика. А уже потом начинает писать историю его руками.

И в это раннее утро никто не мог представить, что маленький Леонид однажды поведёт триста спартанцев навстречу армии, которая покажется бесконечной, и что его имя будет жить тогда, когда исчезнут царства, народы и поколения, ещё

даже не родившиеся на свет.

Пока же он просто спал. А над Лаконией вставало солнце нового дня.

Солнце уже поднялось над долиной, когда в царском доме появился первый посетитель. Это был один из старейшин Спарты — Алкмен, человек преклонных лет, переживший не одну войну и не одну смену поколений. Его лицо было похоже на высохшую кору древнего дерева, а глаза сохраняли ту ясность, которая приходит только к людям, многое повидавшим в жизни.

— Мне сказали, что родился сын, — произнёс он, переступая порог.

— Родился, — ответил Анаксандрид.

— Ты рад? Царь усмехнулся.

— В Спарте мужчины не задают подобных вопросов.

— Именно поэтому я и задаю, — спокойно ответил старик.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, после чего Анаксандрид всё же сказал:

— Да. Я рад. Алкмен кивнул.

— Это хорошо. Иногда цари слишком рано начинают видеть в своих детях будущих воинов и слишком поздно вспоминают, что сначала они просто дети.

Они вышли во внутренний двор. Утренний воздух был прохладен. Над крышами кружили ласточки.

— Ты уже думал о проверке? — спросил старейшина.

Улыбка исчезла с лица царя.

— Да.

В Спарте существовал закон, древний как сама память народа. Каждый новорождённый мальчик должен был предстать перед старейшинами. Они решали, достоин ли ребёнок жить и расти среди граждан Спарты. Жестокий закон. Но спартанцы считали его необходимым.

— Ты знаешь обычай, — продолжил Алкмен. — Когда придёт время, никто не сделает исключения даже для сына царя.

— Я и не прошу исключений.

— Хорошо. Старик внимательно посмотрел на него.

— Потому что однажды именно такие решения делают государство сильным или слабым.

Царь ничего не ответил. Он и сам вырос под властью этих законов. Иногда он ненавидел их. Иногда восхищался ими, но никогда не пытался изменить.

Слишком многое в мире держалось на вещах, которые отдельному человеку казались жестокими.

Вечером того же дня в доме собрались родственники. Зажгли светильники. Подали хлеб, сыр и молодое вино. Женщины по очереди подходили посмотреть на младенца.

— Смотри, какие сильные руки, — говорила одна.

— А глаза совсем как у отца, — замечала другая.

— Нет, глаза матери.

— Ты всегда споришь.

— Потому что ты всегда ошибаешься. Женщины засмеялись.

Мать ребёнка впервые за день улыбнулась.

В эти минуты она почти забыла об усталости.

— Какой он маленький, — прошептала одна из девушек.

— Все мужчины когда-то были маленькими, — ответила мать.

— Даже цари?

— Даже цари.

— И даже самые великие герои?

— Даже они.

Младенец неожиданно пошевелился. Девушки сразу замолчали. Будто наблюдали за чем-то удивительным. На самом деле они смотрели на обычного ребёнка.

Но люди часто чувствуют приближение будущего, сами того не осознавая.

Ночью, когда гости разошлись, а дом погрузился в тишину, царь долго сидел возле очага. Огонь потрескивал. Тени скользили по стенам. Мать Леонида уже спала.

Ребёнок тоже. Только Анаксандрид не мог уснуть. Внезапно за его спиной раздался голос.

— Ты выглядишь так, словно готовишься к войне. Это была его жена.

Она проснулась и теперь смотрела на него через полумрак комнаты.

— Возможно, война уже идёт, — ответил он.

— Где?

— Пока только в головах правителей.

— А это самая опасная война? Царь задумался.

— Все войны сначала рождаются именно там. Женщина осторожно поднялась с ложа.

— Сегодня родился твой сын. Ты мог бы хотя бы одну ночь прожить без мыслей о врагах.

— Именно сегодня я думаю о них ещё больше.

— Почему?

— Потому что теперь мне есть что оставить после себя.

Она долго молчала.

Потом подошла к нему и села рядом.

— Ты думаешь, он станет великим человеком?

— Нет.

— Нет?

— Ни один отец не может знать этого.

— Тогда о чём ты думаешь? Царь посмотрел на спящего младенца.

— Я надеюсь только на одно.

— На что?

— Чтобы он оказался достойным человеком. Женщина улыбнулась.

— Иногда это труднее, чем стать великим.

— Намного труднее.

Они ещё долго сидели возле огня.

За окнами шумел ветер. Где-то далеко в горах выли вол-

ки. Над Лаконией медленно плыла ночь. А маленький Леонид спал, не подозревая, что его первые дни уже становятся частью истории.

Истории, которая однажды приведёт его к тем самым Горячим Вратам, где судьба потребует от него цену, какую требует лишь от избранных.

Но до этого было ещё очень далеко. Сначала ему предстояло пройти путь ребёнка.

Потом путь мальчика, потом путь спартанца. И лишь после этого — путь царя.

На седьмой день после рождения мальчика к царскому дому пришли старейшины. Их было пятеро. Никто не спешил. Никто не говорил громко. Они двигались так, словно исполняли древний обряд, который существовал ещё до рождения их дедов и прадедов.

Мать Леонида стояла возле входа, прижимая ребёнка к груди. Её лицо оставалось спокойным. Только пальцы выдавали волнение. Она слишком хорошо знала законы Спарты. Любая мать знала их. Алкмен первым приблизился к ней.

— Настало время.

Женщина молча кивнула. Она осторожно передала младенца. На несколько мгновений ей показалось, будто вместе с ребёнком она отдаёт часть собственной души. Но так поступали все спартанские женщины. Таков был порядок. Таков был закон. Старейшины вынесли ребёнка на солнечный свет. Один внимательно осмотрел руки. Другой ноги. Третий

прислушался к дыханию. Четвёртый проверил силу движений. Пятый молчал. Он просто смотрел. Дольше остальных. Наконец Алкмен сказал:

— Крепкий мальчик.

— Да.

— Здоровый.

— Да.

— Костей искривлённых нет.

— Нет. Они переглянулись. Затем старший произнёс:

— Спарта принимает его.

Только тогда мать позволила себе выдохнуть. Очень медленно. Очень тихо.

Но для неё этот выдох оказался дороже любого праздника.

Когда ребёнка вернули ей, она поцеловала его в лоб.

— Теперь ты принадлежишь не только мне, — прошептала она. — Теперь ты принадлежишь Спарте.

Младенец открыл глаза. Словно пытался понять смысл её слов.

Но пока мир для него состоял лишь из света, тепла и материнского голоса.

Шли месяцы. Леонид рос спокойным ребёнком. Он редко плакал. Много наблюдал. Слуги даже шутили между собой:

— Этот малыш смотрит так, будто уже собирается отдавать приказы.

— Осторожнее, а то услышит.

— Пусть слышит. Царям полезно знать правду.

— Тогда ты первый отправишься чистить конюшни.

Они смеялись. Но ребёнок действительно отличался необычной внимательностью.

Он подолгу разглядывал людей. Будто старался запомнить их лица. Будто ещё в колыбели учился понимать окружающий мир.

Однажды вечером Алкмен вновь пришёл к царю. Они сидели во дворе.

Между ними стоял небольшой бронзовый кубок с вином. Солнце уже скрывалось за Тайгетом.

— Я смотрел на твоего сына, — сказал старик.

— И что увидел?

— Пока ничего. Царь улыбнулся.

— Тогда зачем говоришь об этом?

— Потому что многие уже ищут признаки будущего героя.

— И не находят?

— К счастью.

— Почему к счастью? Алкмен сделал небольшой глоток вина.

— Потому что великие люди редко бывают великими детьми.

Чаще всего они просто растут. День за днём. Учатся падать. Учатся терпеть боль. Учатся проигрывать.

А потом приходит время, когда все эти уроки складываются воедино.

Царь задумчиво посмотрел на красное небо.

— Иногда мне кажется, что судьба уже всё решила за нас.

— Нет, — покачал головой старик. — Судьба лишь открывает двери. Войти в них человек должен сам.

Ветер донёс запах цветущих оливковых деревьев. Наступал вечер. Где-то за городом перекликались пастухи.

Лакония жила своей обычной жизнью. Никто ещё не говорил о великих походах.

Никто не представлял себе армий Персии. Никто не знал имени Ксеркса. До будущих событий оставались десятилетия. Но история уже начала своё движение. Медленное.

Почти незаметное. Подобное течению глубокой реки. И в самом центре этого течения рос мальчик по имени Леонид. Пока ещё просто мальчик. Пока ещё просто сын.

Пока ещё просто ребёнок, который любил засыпать под рассказы матери о богах, героях и древних царях. Но время неумолимо. Оно никогда не спрашивает разрешения. Оно приходит каждое утро вместе с восходом солнца. И однажды приносит с собой испытания. Для Леонида это время приближалось. Ему предстояло узнать, что такое Спарта. Не город. Не государство. Не армия.

А суровая школа жизни, через которую проходил каждый мальчик, прежде чем стать мужчиной. И именно там начнётся настоящее рождение Леонида. Не телом. Духом.

Время двигалось над Лаконией неторопливо, словно солнце, ежедневно совершающее свой привычный путь от

восточных холмов к вершинам Тайгета. Годы детства Леонида пролетели быстрее, чем казалось его матери, и медленнее, чем хотелось его отцу. Так бывает всегда. Для матери ребёнок остаётся маленьким слишком долго. Для отца мужчина появляется слишком поздно.

К семи годам Леонид уже отличался от большинства своих сверстников. Не силой. Не ростом. Не особенной красотой. Напротив, он был вполне обычным мальчиком. Его лицо ещё сохраняло детскую мягкость, а движения иногда выдавали беспечность возраста. Но было в нём нечто другое. Он редко говорил без необходимости. Редко спорил. Редко жаловался.

Однажды во время игры один из мальчиков сильно толкнул его. Леонид упал на землю, разбив колено о камень. Кровь потекла по ноге.

— Ты что, не видишь, куда идёшь? — закричал виновник.

Остальные дети замерли. Все ожидали драки. Леонид поднялся. Посмотрел на кровь. Посмотрел на мальчика.

— Вижу.

— Тогда почему упал?

— Потому что ты толкнул сильнее, чем я ожидал. Мальчик растерялся.

— И всё?

— А что ещё?

— Ты не собираешься драться?

— Зачем?

— Потому что я тебя толкнул. Леонид пожал плечами.

— Если бы ты хотел убить меня, тогда другое дело.

После этого он просто пошёл дальше. Мальчики ещё долго смотрели ему вслед.

Вечером этот случай пересказывали во многих домах. Одни считали его трусом.

Другие разумным. Третьи вообще не понимали, что произошло. А сам Леонид давно забыл о случившемся. В тот вечер отец впервые заговорил с ним как с будущим мужчиной. Они сидели во дворе. Небо постепенно темнело. В очаге потрескивали ветви оливы.

— Мне рассказали о драке.

— Её не было.

— Именно это меня и удивило. Леонид молчал.

— Почему ты не ударил в ответ?

— Я не видел смысла.

— Иногда смысл появляется позже.

— Тогда я ударю позже.

На лице царя появилась едва заметная улыбка.

— Интересный ответ. Мальчик посмотрел на отца.

— Он правильный?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Время. Некоторое время они сидели молча. Затем Анаксандрид произнёс:

— Через несколько дней тебя заберут. Леонид знал, о

чём речь. Каждый спартанский мальчик знал. Агоге. Школа Спарты. Место, где заканчивалось детство. Место, где началась жизнь гражданина. Место, которого боялись все.

Даже те, кто никогда не признавался в этом.

— Ты боишься? — неожиданно спросил отец. Леонид долго думал.

— Немного.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Только глупец ничего не боится.

— А храбрый человек?

— Боится. Но идёт вперёд. Мальчик задумался. Потом тихо спросил:

— Ты боялся? Царь посмотрел на огонь. Очень долго.

Словно видел перед собой собственное далёкое детство.

— Да.

— И дедушка боялся?

— Наверное.

— И все остальные?

— Все. Леонид удивился.

До этого дня ему казалось, что взрослые рождаются бесстрашными.

— Тогда почему никто об этом не говорит?

— Потому что страх не должен управлять человеком.

— А если управляет?

— Тогда человек становится рабом. Мальчик снова заду-

мался.

Этот разговор запомнится ему на долгие годы. Возможно, на всю жизнь.

Через три дня наступило утро расставания. Мать проснулась раньше обычного.

Она долго сидела возле сына, пока тот ещё спал. Смотрела на него. Запоминала.

Возможно, каждая мать в мире переживала в такие минуты одно и то же чувство.

Желание остановить время. Но время никогда никого не слушает. Когда Леонид проснулся, завтрак уже был готов. За столом почти не разговаривали. Тишина казалась тяжелее любых слов. Наконец мать произнесла:

— Помни одну вещь.

— Какую?

— Ты всегда можешь проиграть битву.

— Даже спартанец?

— Даже царь.

— Тогда что важно?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Не потерять себя. Леонид кивнул.

Тогда он ещё не до конца понял смысл этих слов.

Но однажды, спустя много лет, он вспомнит их у Фермопил. И поймёт. После завтрака пришёл наставник. Высокий мужчина с суровым лицом.

— Пора. Мать встала. Подошла к сыну. Обняла его. Креп-

ко. Очень крепко. Наверное, впервые за много лет.

— Я буду скучать.

— Я тоже.

— Не показывай этого другим мальчикам.

— Почему?

— Потому что они тоже будут скучать по своим матерям.
Леонид улыбнулся.

— Тогда они поймут.

— Возможно.

Она провела рукой по его волосам. Последний раз. Потом отступила назад.

И больше не сказала ни слова. Потому что слёзы не были приняты в Спарте.

Но это не означало, что их не существовало. Леонид вышел из дома. Не оглядываясь.

Так учили. Так требовал обычай. Однако, пройдя несколько десятков шагов, он всё-таки нарушил правило. Обернулся. Мать стояла в дверях. Маленькая фигура на фоне дома. Она тоже смотрела на него. И в этот миг оба поняли, что детство закончилось. Впереди была Агоге.

Впереди были холод, голод, наказания, драки, испытания и годы беспощадного воспитания.

Спарта начинала создавать того человека, которого когда-нибудь узнает весь мир.

Но сама Спарта ещё не знала, что именно создаёт. Она просто выполняла свою работу. Так же спокойно и неумоли-

мо, как кузнец закаляет клинок в огне.

А маленький мальчик по имени Леонид шагал навстречу своей судьбе.

Глава 3. Агоге

Когда ворота учебного лагеря закрылись за спиной Леонида, ему показалось, будто он услышал звук, разделивший его жизнь на две части. По одну сторону осталось детство. По другую начиналось то, ради чего существовала Спарта.

Лагерь находился неподалёку от города, но казался совершенно другим миром. Здесь не было материнской заботы, домашних очагов и ласковых голосов. Здесь не существовало привычного слова «мой». Не было моей постели, моей одежды, моей еды. Всё принадлежало государству. Даже сами мальчики принадлежали не себе.

Первое, что увидел Леонид, были десятки таких же детей, как он. Одни старались выглядеть смелыми. Другие растерянно озирались по сторонам. Некоторые уже плакали, хотя и пытались скрыть это.

— Смотрите, ещё один царевич прибыл, — усмехнулся рыжеволосый мальчишка постарше.

— И что? — ответил другой.

— Ничего. Просто интересно посмотреть, сколько продержится. Леонид услышал эти слова. Но промолчал. Вскоре появился наставник. Его звали Доркей.

Это был человек лет сорока, широкоплечий, с лицом, на

котором не читалось ни доброты, ни злобы.

Только усталость человека, слишком долго наблюдавшего за людьми. Он обвёл мальчиков взглядом.

— Кто из вас считает себя сильным? Несколько рук поднялись вверх.

— Хорошо. Наставник кивнул.

— Кто считает себя умным? Поднялось ещё несколько рук.

— Хорошо. Кто считает себя храбрым? Рук оказалось ещё больше. Тогда Доркей усмехнулся.

— Через год посмотрим, что останется от вашей уверенности. Мальчики переглянулись.

Никто не понял, шутит он или нет. Позже выяснилось, что не шутил. Первый месяц оказался самым тяжёлым. Кормили мало.

Спать приходилось на подстилках из тростника, который мальчики собирали собственными руками на берегах реки Еврот.

Одежду выдавали одну на весь год. Зимой и летом. Под дождём и под солнцем.

— Они хотят нас заморозить? — однажды проворчал мальчик по имени Аристон.

— Нет, — ответил другой.

— Тогда зачем всё это?

— Чтобы мы привыкли.

— К чему?

— Ко всему. Леонид молча слушал.

Он быстро понял одну важную вещь.

В Агоге не наказывали за слабость. Наказывали за жалобы. Слабость можно было преодолеть. Жалоба считалась выбором.

Однажды вечером мальчики сидели возле небольшого костра. Ветер был холодным. Один из новичков тихо произнёс:

— Я хочу домой. Наступила тишина. Никто не засмеялся.

Потому что каждый думал о том же.

— Я тоже, — признался кто-то.

— И я.

— И я. Леонид посмотрел на огонь.

— Все хотят домой.

— Тогда почему никто не говорит об этом?

— Потому что домой мы всё равно не вернёмся. Мальчики задумались.

— А ты умный, царевич.

— Не называй меня так.

— Почему?

— Потому что здесь нет царевичей.

— Есть.

— Нет.

— Есть.

— Тогда докажи. Рыжеволосый мальчик нахмурился.

— Что доказать?

— Что ты лучше меня. Тот замолчал. Остальные рассме-

ялись.

С тех пор они стали друзьями. Его звали Филипп.

Между ними началось соперничество, которое продлится многие годы.

Но именно оно поможет обоим стать сильнее. Прошла первая зима. Самая тяжёлая. Самая длинная. Самая холодная. Несколько мальчиков заболели. Один не выдержал и сбежал. Его нашли через два дня. Вернули. Наказали.

После этого больше никто не пытался уйти.

Однажды наставник Доркей собрал учеников возле тренировочной площадки.

— Что делает человека воином?

— Сила! — выкрикнул кто-то.

— Нет.

— Храбрость!

— Нет.

— Меч!

— Тем более нет. Мальчики удивлённо переглянулись.

— Тогда что?

Доркей поднял с земли тонкий прутик.

— Это легко сломать. Он переломил его двумя пальцами. Потом взял связку прутьев. Попытался согнуть. Не получилось.

— Вот что делает человека воином.

— Прутики? — не понял кто-то. Мальчики засмеялись. Даже наставник улыбнулся.

— Нет. Единство. Смех исчез.

— Один человек может быть сильным. Может быть быстрым. Может быть смелым.

Но войну выигрывают те, кто умеет стоять рядом друг с другом. Леонид запомнил эти слова. Очень хорошо. Лучше многих других уроков.

Потому что впервые понял: Спарта учит не побеждать.

Она учит быть частью чего-то большего.

В тот вечер он долго лежал без сна. Над лагерем сияли звёзды. Ветер шевелил траву. Рядом сопели другие мальчики. Некоторые разговаривали во сне. Некоторые тихо стонали от усталости.

Леонид смотрел в темноту и думал. Ему было всего восемь лет.

Но впервые в жизни он начал понимать, что человек не выбирает время своего рождения. Не выбирает место. Не выбирает народ. Однако он выбирает, каким станет.

И именно этот выбор однажды определит всю его судьбу.

Он ещё не знал, что впереди его ждут куда более тяжёлые испытания. Голод. Боль. Унижения. Потери. Первые предательства. Первые смерти.

А пока что Спарта лишь начинала свою работу. Медленно. Терпеливо. Безжалостно.

Так же, как река тысячелетиями шлифует камень.

И день за днём мальчик по имени Леонид становился немного крепче. Немного мудрее.

Немного ближе к тому человеку, которым ему было предназначено стать.

Глава 4. Волчьи зимы

Зима в Спарте не приходила резко — она подкрадывалась, как осторожный зверь, сначала делая ночи длиннее, потом лишая землю тепла, и лишь затем окончательно утверждая своё господство над Лаконией. В тот год холод был особенно жестоким. Ветер с Тайгета спускался в долину так, будто нес в себе дыхание камня и снега, и даже огонь в лагере мальчиков горел слабее, чем обычно.

Леонид проснулся до рассвета от того, что кто-то тряс его за плечо.

— Вставай, — прошептал Филипп. — Сегодня хуже, чем вчера.

— В Спарте нет «хуже», — ответил Леонид, поднимаясь. — Есть только «надо». Филипп хмыкнул.

— Ты иногда говоришь как старик.

— А ты иногда думаешь как ребёнок.

— Это обидно?

— Это правда.

Они вышли на холод. Воздух резал лёгкие. Утренний туман лежал над землёй плотным слоем, скрывая очертания лагеря. Где-то вдали уже слышались голоса наставников.

Доркей стоял у костра, сложив руки на груди.

— Сегодня вы пойдёте в лес, — сказал он без предисло-

вий. Мальчики переглянулись.

— Зачем? — спросил один.

— Чтобы вернуться.

— А если мы не вернёмся?

Доркей посмотрел на него долго и спокойно.

— Тогда вы не были нужны Спарте.

Тишина повисла над группой, как тяжёлое покрывало.

— У вас нет еды, — продолжил он. — Нет огня. Нет помощи. Только лес. И вы.

— Это испытание? — тихо спросил Филипп.

— Это жизнь, — ответил наставник.

Леонид не задал ни одного вопроса.

Он уже понял главное: вопросы здесь ничего не меняют.

Мальчиков разделили на группы и вывели за пределы лагеря. Лес встретил их тишиной, густой и настороженной. Снег хрустел под ногами, ветви деревьев гнулись под тяжестью инея. Филипп шёл рядом с Леонидом.

— Ты знаешь, что делать?

— Идти.

— Куда?

— Туда, где можно выжить.

— А если там нельзя?

— Тогда туда, где умирают последними.

Филипп посмотрел на него с недоверием.

— Ты всегда такой спокойный? Леонид на секунду задумался.

— Нет. Я просто не трачу страх раньше времени.

Они шли долго. Снег становился глубже, лес — темнее. К полудню группа распалась. Кто-то ушёл искать еду отдельно, кто-то остался у редких кустов, надеясь найти ягоды или коренья. Леонид и Филипп продолжали вместе.

— Я чувствую запах дыма, — сказал Филипп.

— Значит, кто-то уже развёл огонь.

— Пойдём туда? Леонид остановился.

— Или нас там ждут. Филипп напрягся.

— Думаешь, это ловушка?

— В Спарте всё может быть ловушкой.

Они приблизились осторожно. Между деревьями действительно горел небольшой костёр. Возле него сидели двое мальчиков постарше. Они ели что-то, похожее на мясо.

— Еда, — выдохнул Филипп.

— Да, — тихо ответил Леонид. — Но не для нас. Старшие заметили их.

— О, новички, — усмехнулся один. — Заблудились?

— Или проголодались? — добавил второй. Филипп шагнул вперёд.

— Дайте немного. Старший рассмеялся.

— Дать? Ты сказал «дать»?

— Мы тоже участники испытания.

— Тогда возьми. Он бросил кость в снег. Филипп сжал кулаки.

Леонид положил ему руку на плечо.

— Не сейчас.

— Но они...

— Я вижу.

Старшие продолжали есть, наблюдая за ними с интересом.

— Что будете делать? — спросил один. — Умрёте здесь или попытаетесь отобрать? Филипп дрожал от злости.

— Я могу...

— Нет, — спокойно сказал Леонид. Он вышел вперёд.

— Нам не нужна ваша еда. Старшие переглянулись.

— Вот как? Тогда зачем пришли? Леонид посмотрел прямо на костёр.

— Мы пришли не за тем, что можно отнять. Мы пришли за тем, что можно найти. На секунду повисла тишина. Даже ветер будто замедлился.

— Интересный ответ, — сказал старший. — Но глупый. Он поднялся.

— В Спарте выживают те, кто берёт. Леонид кивнул.

— А потом умирают те, кто думает, что всё можно взять. Старший усмехнулся.

— Смелый мальчик.

— Нет. Осторожный. Филипп тихо прошептал:

— Что ты делаешь?

— Думаю.

— О чём?

— О том, что еда уже не важна.

— А что важно? Леонид не ответил сразу. Потом сказал:

— Сила, которая не делится, не становится больше. Старшие замолчали. Филипп не понял. Но запомнил.

Через некоторое время старший отломил кусок мяса. И бросил им.

— Забирайте. Не потому что вы сильнее. А потому что вы странные. Леонид поймал еду.

— Это не странность.

— А что?

— Это выбор. Они ушли от костра. Филипп жадно ел.

— Ты мог подраться.

— Мог.

— Почему не стал? Леонид посмотрел на лес.

— Потому что тогда мы бы доказали им, что они правы.

Филипп замолчал. Потом тихо сказал:

— Ты пугаешь меня иногда. Леонид усмехнулся.

— Хорошо. Значит, ты не потеряешь осторожность.

К вечеру они нашли укрытие между скал. Развели маленький огонь. Еда закончилась быстро. Холод становился сильнее. Филипп дрожал.

— Мы не выживем так неделю.

— Выживем.

— Откуда ты знаешь? Леонид посмотрел на огонь.

— Потому что Спарта не учит надеяться.

— А чему она учит?

— Делать. Ночью Филипп заснул первым. Леонид не спал

долго. Он слушал лес. Слышал, как трещат ветви. Как где-то далеко кричит птица.

Как ветер двигается между деревьями, будто живое существо.

И впервые в жизни он понял, что страх — это не враг. Страх — это сигнал.

И тот, кто умеет его слушать, не становится слабее. Он становится внимательнее. А значит — живучее. Зима продолжалась.

И Спарта продолжала проверять своих детей. Без жалости. Без остановки. Без права на ошибку.

Потому что именно здесь, в холодных лесах Лаконии, начиналось рождение будущих воинов. И один из них уже учился не просто выживать. Он учился думать как Спарта. Но до настоящего испытания было ещё далеко. И лес только начинал раскрывать свои уроки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.